

Друзья и соратники о Любви Вассерман

Еврейская поэтесса и писательница ЛЮБОВЬ ВАССЕРМАН

Она была человеком светлым, добрым, искренним, несмотря на трагическую судьбу, - чистым, гордым и несломленным. Ее последний поэтический сборник называется «Благословляю жизнь». Наверное,.

Она родилась 5 декабря 1907 года в польском местечке Словатич Седлецкой губернии. Оттуда уехала в Палестину, а в конце 1931-го эмигрировала в Советский Союз. С 1934-го по 1973 год жила в Биробиджане. Здесь она работала в областной библиотеке, затем в радиокомитете. Здесь расцвел ее писательский талант. Здесь она была репрессирована и провела семь лет в сибирских лагерях, откуда вернулась тяжело больной. «В свои 49 лет она выглядела глубокой старухой, получала нищенскую пенсию по инвалидности. Но писательство поддерживало ее дух, хотя каждое слово давалось с большим трудом и каждое новое стихотворение оканчивалось «скорой помощью», уколами, таблетками или больничной койкой», - пишет о Л. Вассерман журналист Леонид Школьник.

Последние годы жизни Любовь Шамовна провела у сына в Кишиневе. Она умерла в 1975 году. На ее могиле установлено надгробие в виде раскрытой книги, а на мраморных страницах – стихотворение на идише «Мой дом». Он – о Биробиджане, который Люба Вассерман считала своим настоящим домом.

АВТОБИОГРАФИЯ В НОВЕЛЛАХ

«Дом стоял на берегу Буга. Сомневаюсь, что кто-нибудь назвал его просторным и красивым, но это был все-таки дом, не похожий на соседние темные землянки, в которых ютилась местечкова голытьба. Жили в доме три семьи: дед Нафтоле со мной, слепая Бобл да Ита-Лея по прозвищу «пекарка». Дом домом, но самым интересным местом в нем был чердак. Каждая семья имела там свой уголок, где обычно сушилось белье, складывалась рухлядь, а главное – в самых потайных местах хранились «гнилкелех» - удивительно сладкие маленькие груши. Когда-то терпкие и кислые, полежав до середины зимы в сухом сене, они становились мягкими, душистыми, сладкими. Слепая Бобл торговала ими на базаре, беря по копейке за кружку. А вот Ита-Лея держала груши специально для своей внучки, которую любила без памяти. Видите ли, невестка Леи была из «образованной семьи» и стыдилась свекровки, которая пекла и продавала в местечке хлеб, но внучка приходила к пекарке часто, не помню ее имени, мы звали девочку «Доброе утро, бабусенька!». Ита-Лея бросала свое тесто и лезла на чердак, чтобы принести оттуда самые сладкие фрукты. Но мой уголок под крышей дома был пуст...»

Так начинается новелла Л. Вассерман «Гнилкелех», которая положила начало целой серии ее проникновенных автобиографических рассказов. Положила она начало и моей дружбе с Любой, основанной не только на взаимной симпатии, но и на творческом содружестве. Живя по соседству – дверь в дверь – по Театральному переулку, мы порой до рассвета сидели за составлением подстрочников (дословных переводов с идиша на русский). Дуэт перерос в трио, потому что в наших усилиях принял неоценимое участие муж Любы, актер народного еврейского театра Михаил Бенгельсдорф. Большой знаток не только мамэ-лошн, но и (в отличие от Любы) русского языка, он обладал удивительным чутьем слова и стиля. Именно Михаил Абрамович сохранил за долгие годы неожиданного отсутствия жены рукописи ее первых документальных и художественных работ в прозе, автобиографичных в большинстве своем.

Особенно запомнился мне очерк «Подруги». Маляры-отделочницы Люба и Бетя Шпилько (в будущем ветеран службы связи) жили в маленькой сырой «глинобитке», спали на одной кровати. Люба – с краю. Однажды утром Бетя не смогла подняться, потому что ее роскошные волосы примерзли к стене... Много позже с помощью,

разумеется, Шнеера Абрамовича Коники (сотрудника газеты «Биробиджанер штерн») я перевела и другие ранние очерковые произведения Любы: «Первый дом», «Мастерок», «Новоселье», рассказы «Пожар», «Даль туманная», «Звезда над Бугом» и, наконец, трагическое повествование «Эстер», которое считаю венцом Любиных творений в прозе.

Пронзительный перевод последних стихов Любовь Шамовны, самых печальных из всего ею написанного, принадлежит перу Леонида Школьника. Это не что иное как «тихое прости» Биробиджану и всему самому дорогому в уходящей жизни – любви, дружбе, творчеству. Однако сборник назван «Благословляю жизнь», и Люба уверяет:

И все-таки я к вам приду, друзья,-

Без стука, незаметно, до поры,

И, улыбнусь: - Пришла проверить я

По-прежнему ли вы ко мне добры...

Конечно, бесспорно, по-прежнему. Ведь и нельзя иначе, когда сохраняется возможность прикоснуться к творчеству доброму, мужественному, светлому...

Н. ФИЛИПКИНА

ТАЛАНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Недавно мне попал в руки снимок 30-х годов, на котором запечатлена группа биробиджанских поэтов. Молодые, красивые мужчины, а среди них – единственная девушка – Люба Вассерман: энергичная, стремительная, как-будто куда-то спешила, но присела на минутку сфотографироваться. Слегка растрёпанные светло-русые волосы до плеч, девичьи руки, сложенные на коленях... Рядом с ней – двадцатилетний Эммануил Казакевич. Глядя на это фото, мне вспомнилось стихотворение Казакевича «Лесная девушка». Образ его героини Любы вдруг показался мне таким похожим на этот, с пожелтевшего снимка... Неужто оно посвящено той самой Любе, которую нынешние биробиджанцы знают совсем по другим портретам, с которых смотрит на нас глазами любви и грусти уже умудрённая жизнью женщина?...

Вот воспоминания Любы Вассерман о первой встрече с Эммануилом Казакевичем: «Девятнадцатилетний, в длинной шинели и солдатских сапогах, он чем-то напоминал пограничника. Отец его, первый редактор «Биробиджанер штерн», Генрих Казакевич сказал: «Познакомься, это мой сын Эммануил». Мой новый знакомый сверкнул на меня стёклышками своих очков и саркастически спросил: «Вы ещё не замёрзли у нас в Тихонькой?» Это он намекал на мой полушубок, меховую шапку и большие валенки. Он сам, по-видимому, холода не боялся. Это обнаружилось в тот же вечер, когда в своей тонкой шинели долго гулял он со мной, несмотря на сильный мороз, и читал стихи, читал так страстно, с таким темпераментом, что смог бы согреть не только одного человека...

Я слушала, затаив дыхание, вся превратилась в слух, забыла о морозе. Передо мной открылся источник мировой поэзии. И даже было немножко непонятно и удивительно, когда же этот худощавый юноша в очках и длинной шинели успел овладеть всем этим богатством! Он остановился у дерева с покрытыми снегом ветвями. Свет огромной луны освещал его бледное выразительное лицо. Теперь он уже читал свои собственные стихи.

Известно, что в любом художественном произведении, будь то проза или поэзия, всегда присутствует художественный вымысел. Но насколько этот вымысел далёк от фактических событий? На этот вопрос отвечает Любовь Вассерман в своём эссе «Поэты не умирают»: «Я хочу рассказать о друзьях моей молодости и восстановить образы тех, с кем я и корчевала тайгу, и прокладывала новые тропинки на биробиджанской земле». Так может быть «Лесная девушка» Казакевича и есть Люба Вассерман?

И вот костёр забушевал,

и злое пламя загудело.

Трава осенняя горела,

Шёл по тайге весенний пал,...

Как бы девятый красный вал,
Как океан,
Как гневный царь,
Всё сокрушая и калеча.
Пустив огонь огню навстречу,
Мы сами отошли на гарь.
Мы – десять молодых ребят
На экспорт лес тайги валили.
И каждому был чёрт не брат.
И лучший пильщик был Мотя Плат.
И падали деревья ниц –
Мы все тогда дружили с риском.
Здесь были Брук
И Шимен Римский,
Охотник добрый Мойша Минц.
Гудела молодость, как печь,
И вдохновенно пели пилы.
И каждому по двадцать было,
И каждый был широкоплеч.
Тогда спасеньем и бедой
К нам из-за огненного вала
Лихая лошадь прискакала
Со всадницею молодой.
Стал ярче день, а ночь темней,
Померкли яростные краски.
Мы вспомнили о женской ласке
И о заботе матерей.
Была как призрак огневой –
Мы любовались без утайки-
Девчонка эта в рыжей майке,
С растрёпанною головой.
Всё пробудилось сразу в нас –
И ночь,
И огненная буря,
И лошадь дикая,
И кудри,
И кожи ласковой атлас.
Всё прояснилось до конца
От этой русости и сини.
Не стало трусости и силы,
А разом вспыхнули сердца.
Через штыки горящих трав
Она пробилась к лесорубам
И так представилась :
-Я – Люба.
На днях рекой начнётся сплав!
Я здесь не с тем, чтоб огорошить,
Я сутки пробыла в лесу.
Я по бригадам весть несу.
Прошу вас, напоите лошадь.
Я отдохну, потом уеду. –
И сразу кончился мираж.

Засуетился лагерь наш
И стал готовиться к обеду.
Соединились хлебосольно –
Чай, сваренный на таганке,
Да рыба с мясом на пеньке –
Пошло таёжное застолье.
И всю артель любовь скосила –
За стол садились не дыша.
Первый: «Прекрасна!»
Второй: «Хороша!»
Третий: «До чего красива!»
«Понравиться надежды нет!»
«О, до такой мне – как до неба».
«Стесняюсь ей подвинуть хлеба!»
«Я завтра ей нарву букет».
А чем помочь сердечным ранам!
Стреляло из костра смольё,
И косы русые её
Сверкали золотом багряным.
Она была луны туманней,
И рядом с этой красотой
Вся жизнь казалась нам мечтой,
Несбывшимся воспоминаньем!
И мы сдаёмся ей на милость,
И пал пылал у нас в груди,
И всё, что было впереди,
Как волны пенилось и билось.
И в каждом закипела смелость,
Жизнь закусила удила,
И ласточка любви свила
Своё гнездо в таёжном сердце.
И песня с песнею сливалась,
И Люба милая была
Светла, как полная луна,
И как луна в ночи смеялась.
Мы лошадь Любе подвели.
Я придержал тугое стремя.,
На миг остановилось время,
Чтоб брызнуть топотом вдали.
Летела гарь с таёжных трав.
И Минц,
И Мотл,
И оба Брука –
Все посмотрели друг на друга.
А завтра начинался сплав.
Рванулся конь, вдали пропал
С дикаркою русоволосой.
И голубые пали росы
На огненный таёжный пал.

Поэты, прибывшие сюда в тридцатые годы, строили наш город, а вернее страну своей мечты... Трудились, без остатка отдавая свои силы, влюблялись, посвящали друг другу стихи. Именно здесь, на нашей земле, не только проявлялся их поэтический дар, но и

формировался талант человеческого общения. Этим талантом в полной мере обладала Люба Вассерман. Спустя сорок лет, уже в семидесятые годы, к ней обратил своё стихотворение «Пойдёмте, Люба!» и другой поэт, Хаим Бейдер.

А. АКИМЕНКО

Хаим БЕЙДЕР

ПОЙДЁМТЕ, ЛЮБА!

Биробиджанской поэтессе

Любови Вассерман

Пойдёмте, Люба!
Вы мне так давно
Хотели показать в часы заката
И ветреной зари веретено,
И вечер, догорающий крылато,
И золото заречного костра,
И голубой туман над кромкой луга,
Как неба ткань прозрачна и пестра...
Пойдёмте, Люба!

Пойдёмте, не спеша, не торопясь, -
Туда, где Бира плещет и играет,
И белой пены кружевная вязь
О чём-то давнем мне напоминает.

Пойдёмте, Люба!
Сопка вся в огне,
Обшита золотистой каймою.
Всё меньше на мосту машин,
И мне
Так хорошо здесь с вами над рекою,
Где в мир, что волшебством преображён,
Ни горе не ворвётся,
Ни разлука,
И юность здесь мерещится, как сон...
Пойдёмте, Люба!